

БОРИС
ШАПИРО

ДВЕ ЛУНЫ

Борис Шапиро

Две луны

художник
Уся Шапиро

послесловие
Хеллы Шапиро

Издательство «НОИ»
Москва 1995

五

Две луны

Стихотворения и поэмы

«Две луны» — вторая книга Бориса Шапира на русском языке. Первая («Соло на флейте» с графикой Уси Шапира) вышла в издательстве «Verlag Otto Sagner» в Мюнхене в 1984 г. Большинство новых стихотворений книги «Две луны» опубликовано в русской или зарубежной периодике.

Борис Шапира (1944) — двуязычный поэт, русский и немецкий. Его первая немецкоязычная книга «Metamorphosenkom» («Зерно метаморфозы») с графикой Павла Цепелинского вышла в издательстве «Heliopolis — Katzmann Verlag» в Тюбингене в 1981 г. Борис Шапира — постоянный автор немецкоязычной периодики и поэтических антологий. Его наиболее значительные произведения на немецком языке: поэмы «Ein Tropfen Wort» («Одна капля слова», 1984) и «Chirik am schwimmenden Turm» («Хирик у плавающей башни», 1990).

Уся Шапира (1966), художник и график, живет в Берлине.

ISBN 5-7270-0015-7

© Борис Шапира, стихи и поэмы. 1995

© Уся Шапира, иллюстрации. 1995

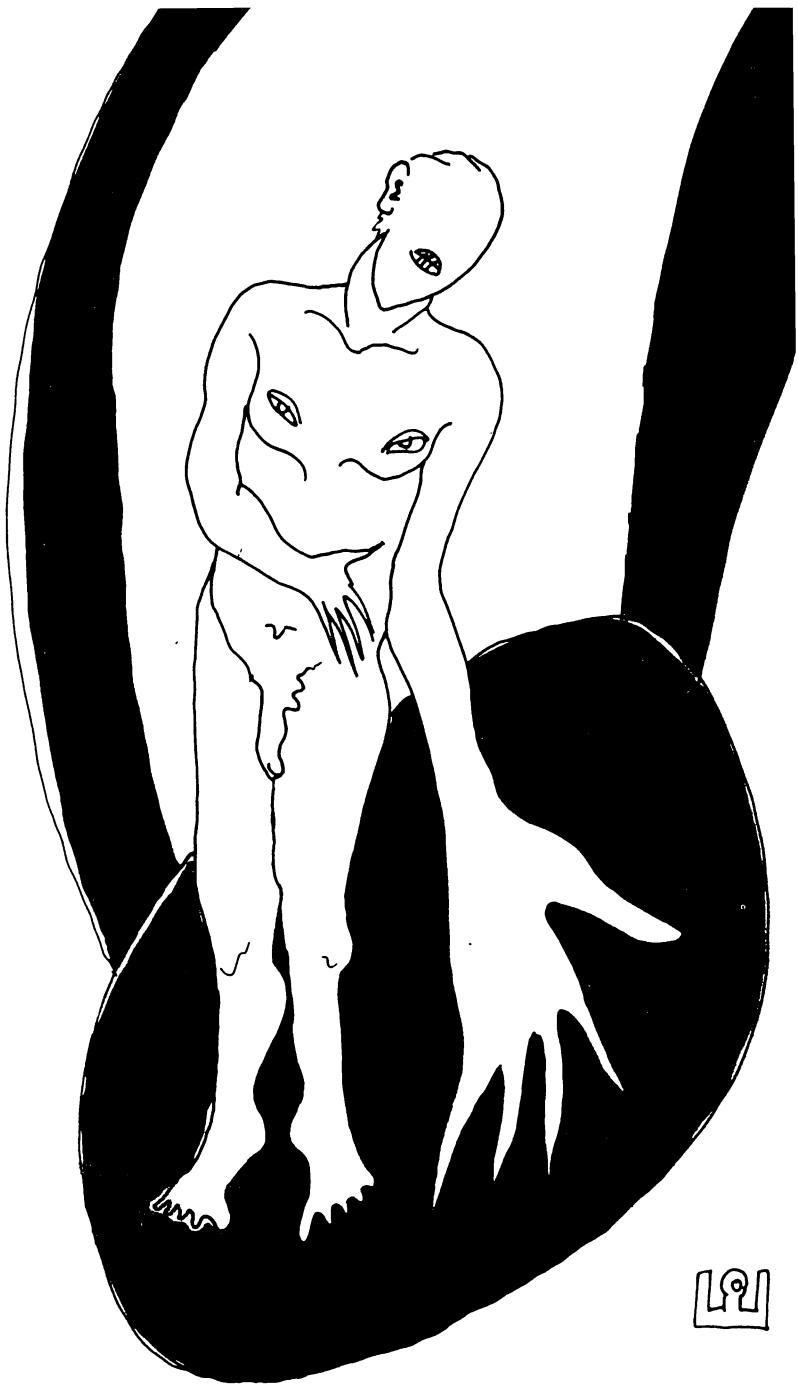
© Хелла Шапира, послесловие. 1995

© «НОЙ». 1995.

Из книги

НАЧАЛО

1960 - 1964

АЛЕФ веры моей в тебе,
День грядущий.
Осыпь лжи и насилий
Надежду не сможет убить.
Оглянись,
Эхо истины
Хлебом приходит насущным.
Оглянись же, Господь,
Дай и нам до свободы дожить.

Площадь Красная, площадь Красная,
лоб земли,
и покати́ста, и размаши́ста
исстари.

Как по капельке, по крупиночке
здесь цари
кровью красною, да бульжнички
засти́ли.

И мости́ли мосты ошейные,
горло-ста́ль.
Место лобное — рраз ошейником —
крик-хруста́ль.

Только ёлочки посиневшие
у стены,
и стрельцы совсем заиневшие
вдруг видны.

По-над площа́дью, по-над красною
вре́мена
словно звон стоят, правда катится,
вся красна.

ВИРУС ВЕКА. Сердце глуше
отзывается на песнь,
и высушивает души
недоверия болезнь.

Нам боязнь увидеть в друге
уши, чуждые душе,
ощутить чужие руки
микрофонного клише,

чтобы мы по одиночкам
разъедали ложью рот.
По каким расчётам точным
страха опухоль растёт?!

Вирус века. Сердце глуше.
Осторожно дышит тишь.
Ну, кому всё это нужно?

Тоже знаешь, а молчишь.

НЕПОГОДУШКА-потеха,
неразумное дитя,
сыплет снегом, словно смехом,
а следы как от дождя.

Лаской власти ловит пленных,
их улыбки и мольбы.
Все скамейки на коленях,
на коленях все столбы.

Стой! Крути назад веселье,
дальше нету верстовых.
Заблудился дождь осенний
на бумаге мостовых.

На бульжной лёг постели,
притаился и затих.
И на окнах зачернели
тени часовых.

Людоеды

Тяп-ляп,
во рту кляп.

Размахнулся — раз,
не в бровь, а в глаз.

Мы люди простые,
водкой налитые.

Лаптем щи хлебаем
да байки баем.

Едим с потрохами,
говорим стихами.

КОГДА КАЛИГУЛА назваля божеством,
с латинским не считаясь естеством,
чтоб кончить с неугодным трону злом, .
крестом орудя и висельным узлом,

Рим был доволен новым торжеством.

КРАСНАЯ осень.

Мокрая осень.

Мёрзлая осень.

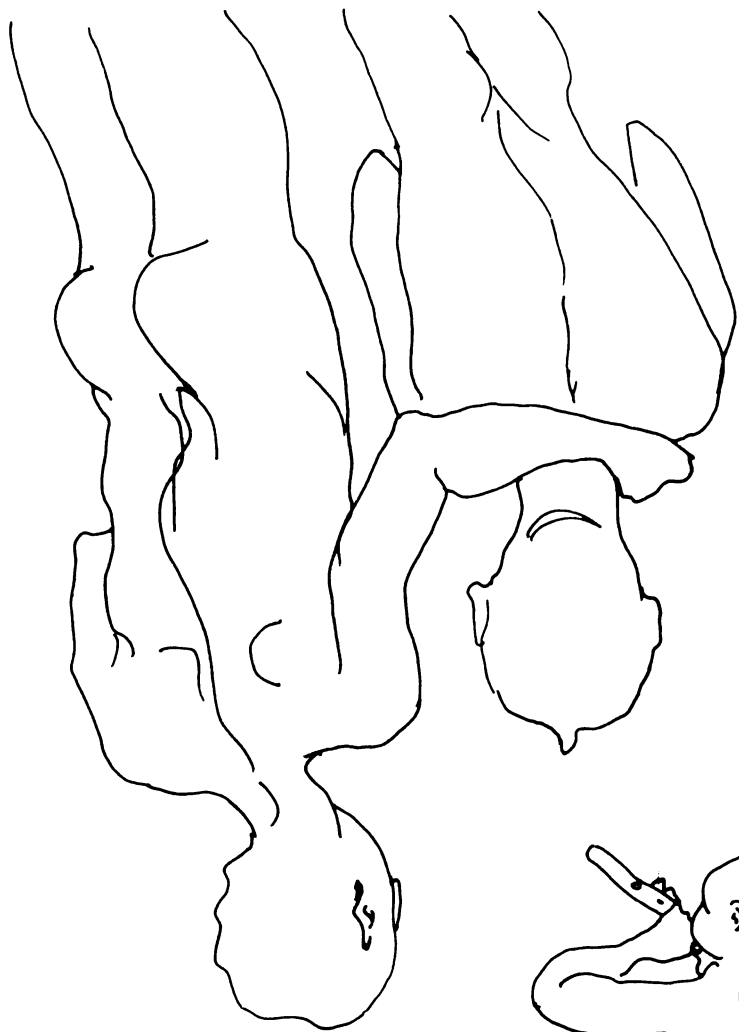
Мёртвая осень.

Из книги

СОЛО НА ФЛЕЙТЕ

1964 - 1974

ЛЕТО, зеленью одетое,
в колокольчики звеня,
не заметило, что где-то
под колодою нагретой
просыпается змея.

Змёя с персиковой кожей
и прекрасная лицом
так изящно тело может
изгибать, на травке лёжа,
и сворачивать кольцом.

А вокруг лихой мерзавки
поперёк земли и вдоль
расположены на травке
бездыханные козявки,
золотые трупы пчёл.

Да, её удар не промах,
прочерк глаза — ложный знак.
Но не этих насекомых,
в том числе моих знакомых,
наблюдает дошлый зрак.

Ну, конечно, этих тоже
одурманивает взор.
Все в одном узле, и всё же
высший смысл ей сердце гложет
или просто так узор?

Кто она, живая флейта,
простодушная змея?
Лента скорби, фея лета,
гробовой любви примета,
иероглиф бытия?

Символ мудрости и тайны,
символ смерти и судьбы,
красоты первоначальной,
символ музыки печальной,
колдовства и ворожбы?

Вот она уже проснулась,
от колоды отползла,
потянулась, ухмыльнулась,
симтарин-травы коснулась,
и хрустальная слеза

окропила венчик синий
медоносного цветка
в краснолистом симтарине.
Точно в самой середине
тирличёвого листка

дырку зубом проколола,
трижды плюнула в просвет
и сплела такое слово:
«Ты лети-лети, полова,
на перунов огнецвет,

ты, слеза, сгори в горниле
симтаринной синева,
ты, зерно, заройся в иле,
сгни у мигуна в могиле,
в корне одолень-травы!»

Так промолвила змеюга,
хвост зажала вещим ртом,
избоченилась упруго
и, проделав круг над лугом,
ушла за окоём.

ТА МУЗЫКА из прихоти созвучий
осенний обласкает лист,
обрадует, и легковесный случай
кружится до земли...

А охры голод
в лесную проникает глубину,
и постепенно зимний
упадает холод,
и лёгкая лыжня виётся по нему.

Вдруг ПРИДЕТ, неожиданно и негаданно,
вдруг ударит проседью в виски
запах снежный и немного ладанный —
хлопья нарастающей тоски.

В музыке её мелодия простая:
инквизиторски, без отдыха и сна,
как сорняк в сознание вращая,
крутит кружево свербящая блесна.

И звучит, не тронув волосинки
и лицо морщиной не изрыв,
весь внутри, зажатый под сурдинку,
днём и ночью тянущийся взрыв...

Я уйду.

Вот кончился паркет,
вот лестницы последняя ступенька,
край тротуара, улицы, земли,
и у тебя нет края.

Ты на санках
летишь всё время на краю земли,
и я за санками бегу — безногий мальчик —
от времени куда-нибудь подальше.

Я уйду.

На круглой скатерти
как в жёлтом колесе
вразлад круговерти
разлиты дни на спицы.
Протёртый локтем
солнечный лоскут
когда-то был лимоном.
В середине,
что к западу от места для солонки,
парадный вход в забытую гробницу,
вернее просто маленькая дырка.
Там не живёт никто.

ТЕМА ДЛЯ МЕДИТАЦИИ ИЗ КЭНКО ХОСИ

Бодливому быку
спилили оба рога,
потом другому...
Прошло тысячелетье.
Понемногу
привыкли здесь и там:
бодливым лучше без рогов
быкам.

А что кусачим лошадям?..
Им отрезают уши.

Ход времён
ускорился,
и можно догадаться,
что будут отсекаль
болтливым дуракам.

Ха-ха. Нам нечего бояться:
у нас на темени
торчащих штучек нет
на радость мамам
и на страх врагам.

Канне

ЗАВЕСА — зависть,
сам — совесть,
пояс,
то есть память.

Таять
тянет нить ночи
ладонь —
восковую наледь.

ОТРАДЫ горькая оправа —
любви забытые права.
И безразличия отрава,
и ненависти острова
прозрачней до акварели,
а с акварельной высоты
недогоревшие апрели,
недосожжённые мосты...

ТУСКНЕЕТ мой приют.
Любимая уходит.
Единственный этюд
живу на полуноте.

Живу на полуноте,
и падает из рук
вещественен и плотен
ещё не бывший звук.

Литании напевной серебро —
Юродствующий танец.
Бесхитростно бело
Лукавое летанье,
Югорского шамана болеро.

ВСЁ НЕДАВНО. Всѐ давно.
Ты при мне ещё не пела.
То ли просто не успела,
то ли пенья не дано.

Наших дней веретено
размоталось до предела.
Но тебе-то что за дело,
чем оно оплетено?

Или отъединено
от души земное тело
и летать не захотело?

Видно, душу не задело
из бутылки запотелой
певное вино.

ЙОЗЕФ КНЕХТ

Я слеп, и музыка проста,
и пение немного странно.
Легка пушинка одувана —
твердь снова чистого листа,
и призрачная высота
обнажена и постоянна.

Обратно в логово обмана
полуоткрытые уста
поверх изменчивого слова
как небо над любовью голой
вбирают слепоту и страх
звучаньем древнего глагола.

Но деревянной флейты соло
бескрыло гаснет на губах.

КАК СЛЫШУ, так и напишу
из слов, танцующих в балете
при солнечном и лунном свете,
доступное карандашу,

и вечностью не дорожу,
пока любовь не тонет в Лете.
В бокалы музыку налейте —
я к флейте губы подношу

и, просветляя дух, как встарь,
веселья песенной беспечностью,
я строю крылья, как кустарь.

Ещё пронизан человечностью
измен возможных календарь
там, где любовь граничит с вечностью.

СНА НЕТ.

И снов не будет впредь.

Не жди, что кто-нибудь приснится.

Ни умереть, ни улететь,

ни заново родиться.

Всё наяву, и жизнь и смерть,

и исчезают лица,

и сутки прекращают длиться,

когда внимательно смотреть

умеешь.

Больше нет богов.

А идолам молиться

легко.

Ты умрешь.

Гипнотически лёгким
спокойным породистым счастьем
ленивая сытость
медленно сдавит под дых.

Сердцу не выжить —
в глазах чужого несчастья
души скульптурная сытость
не видит несчастий своих.

АУТОДАФЕ

Все нынче кувырком.
Торжественная свита...
И лысина сокрыта
под острым колпаком.

Темно, прохладой ночь залита,
невеста плачет под платком,
друг побежал за огоньком,
толпа колышется сердито.

Что тянут? Что ещё забыто?
Привстал аббат с лицом бандита,
кивнул. Монахи деловиты.

И пробирает ветерком
малиновое санбенито.
Легко быть дураком.

ВЫМИРАЕТ постепенно
тот, кто знал, что было раньше.
На его приходит место
тот, кто прошлого не знает.

Это встречное движенье
называется «прогресс»,
а в движеньи неизменны
только вечные миражи.

Мне доподлинно известно:
в нашем мире выживает
только вечного сомненья
любопытствующий бес.

Ктырь ужалил мизгиря.
Мизгириха овдовела.
А она сама хотела
мужа съесть, а вышло — зря.
Мизгиря недвижно тело.
Злостью праведной горя,
с возмущением глядела
мизгириха на ктыря.

Ктырь же, лапку отгрызая
от убитого супруга,
говорил: «Мизгирька злая,
мы должны понять друг друга.
Мы заранее не знаем,
на краю какого круга
жизнь случится оборвать.
Если хочешь скушать друга,
с этим надо поспешать».

Вяхирь, лесный глуботарь,
прокуравый лесозим,
волчно гулькает из трав
мошнику на задир:

— Гули мошник рдянобров?
Гули мошник лубопёр?
По ягоду, по ягоду зло болтлив
вихорево гнездо утопил дождём,
оборотень-великрыл.

А мошнику хула за обычай.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Был мне сон,
высок и светел.
В нём из розовых долин
тихо Белую токкату
пел невидимый орган,
Белой музыкой туман
поднимался на рассвете.
Тихий ветер дул с вершин.
На восходе апельсин
разгорался,
трубным звуком опаляя на закате
горы, выгнутые луком.
Потянулся караван
журавлей над виадуком.
Белый город спал вдали.
Озерцо зеркальным крутом отраженья,
как в кувшин,
собирало друг за другом
журавлиный караван,
Белый город, горный ветер,
виноградников шпалеры...
Шло двадцатое столетье
нашей эры...
Апельсин
разгорался.

ВЫЗРЕЛО ЗАРЕВО в озере.
РЫБЫ не ромбами — розами.

Облако в воздухе розовом
в образе зверя над озером.

Замерло зарево росстани
в небе и в озере — порознь.

И светоградными лозами
в озеро свесилось гроздьями
зарево —

ваза слёз.

Лицо наплывом.
В кадре дача, вернее
дачный столик и скамейка,
углом набросанная скатерть,
и солнечный лимон,
на дереве стола лежащий,
освещает скатерть.
А правее,
в надорванном конверте письмецо
и ветка ивы.
Нет ни дуновенья,
хотя свежо.
Поверх всего лицо.
От запаха шалфея или мяты
вкус благопожеланья.
Это утро
неслышно отлетает от стола.
Такой сегодня день,
что скатерть не измята,
лимон — древесное яйцо,
и не нужны слова.

Если прямо скажешь прямо,
это будет очень грубо.

Если поздно скажешь прямо,
то получится издёвка.

Если рано скажешь прямо,
не поверят всё равно.

МАРФА умерла, а потом пришла к нам
и сказала Усе:

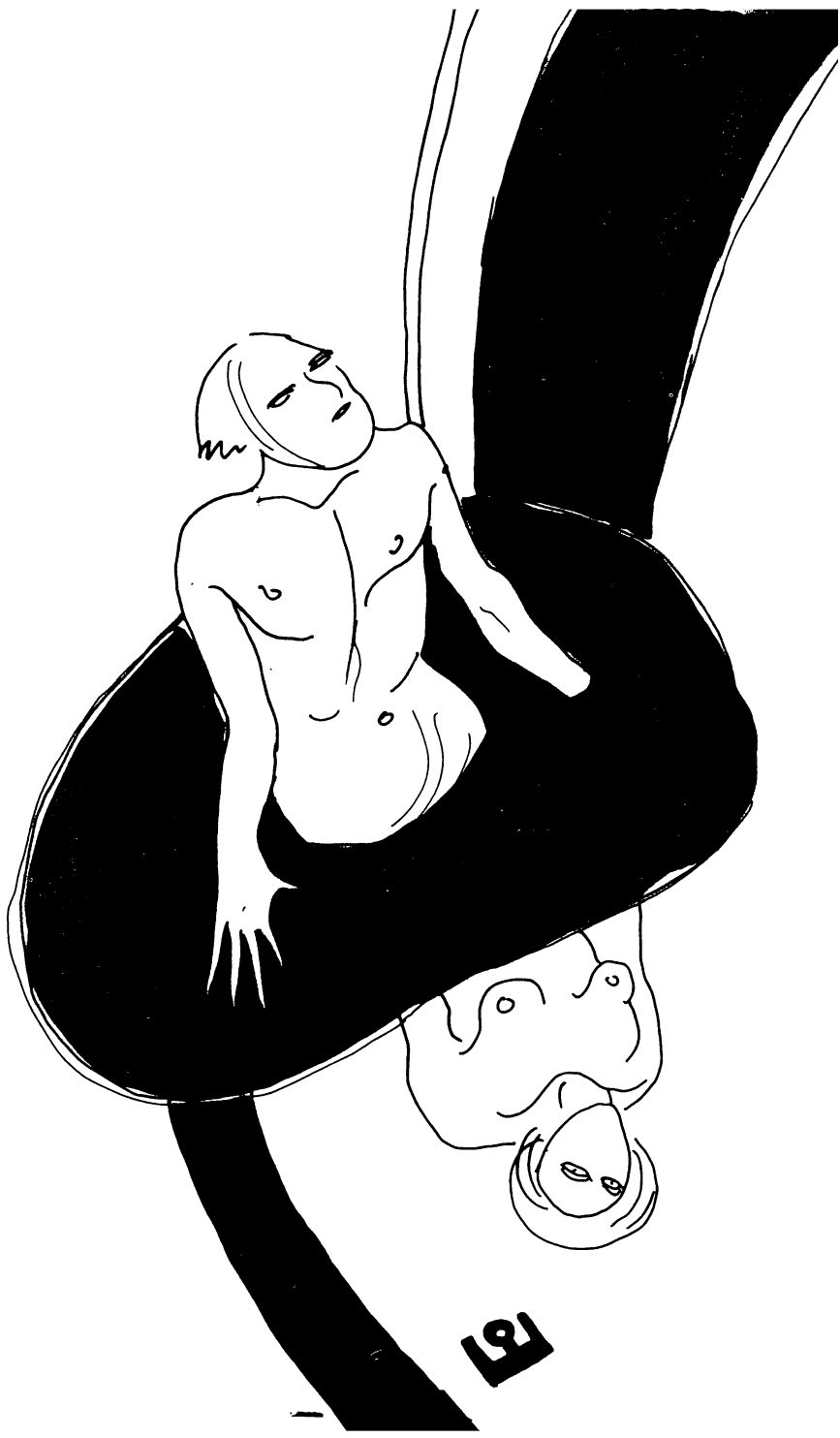
В белом саване не дышу.
В полотнище дыру прогрызая,
я как в тёмную воду вхожу
по зеркальной дороге босая.
Зеркалами облита вода.
В ней, судьба моя, пустота.
Я зеркальную пустоту
поднесу к говорящему рту
и покрою заветным листком,
и в пахучую мякоть сотру.
По колючей росе на ветру
я приду поутру босиком,
по гусиной тропе, по мосту,
по траве сквозь густую листву,
пустоту превращу в густоту.
Я приду к тебе в каменный дом
по колючей росе босиком.
Будет терпкая мякоть листа
хоть густа, да зато непроста.
Будет жизнь твоя нелегка
и судьба твоя как река,
как пахучая мякоть густа
мать-и-мачехино листа.
Будешь жить озареньем холста.
Будет горек твой хлеб неспроста,
и густая вода солона.
Но любовь твоя будет чиста.
Ты судьбу свою выпьешь до дна
из зеркальной реки, до пьяна,
до последнего дня, до темна,
до скующего горло глотка.

Из цикла

СКВОЗЬ КОЛЬЦО ГОРИЗОНТА

1975 - 1984

3

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Геле

Что там перепел встревожен
над гнездом во ржи,
и луна прозрачной кожей
над жнивьем дрожит?

Всё спокойно. Конь стреножен.
Вложен меч в ножны.
И ладони осторожны,
и глаза нежны.

Но за далью луговой
где-то стонет выпь?
Там, где любят, нет покоя
и не может быть.

Спи, любимая. С тобою
нашу жизнь прожить —
это слышать голубою
музыку в тиши

и, как перепел, душою
ночью над жнивьем
нам одной гореть звездой,
нам с тобой вдвоём.

Ел. Б. Ауэрбах

ОКТАБРЬ всегда благосклонен ко мне.
Осеннего неба голубизне
и слов, обращённых к тебе, прямизне
обязан я тем, что свободен.

Я каждую осень летаю во сне.
Свобода внутри, в глубине, а извне
жгут руки колючим морозом вдвойне
холодные поручни сходен.

НА СМЕРТЬ ГАЛИЧА

*

Александр Аркадьевич,
Струн Гитарович, Сокол Правдевич!
Не Боян был, не соловей,
только совесть земли моей,
только голос моей земли—
жить не смог от неё вдали.

* *

Вроде мелочь — зрачок из щёлочки,
полувзгляды сощуренной щёлочи,
мол, не все ещё сдохли, сволочи,
ещё будут вам калачи...

А земля у подножия полночи
новым снегом одета с иголки,
и луна над заснувшею ёлочкой
бессловесную песню лучит.

* * *

Труп сегодняшней день — или труп?
И в конце или только в начале
на убийственно зыбком причале
нас холодные поручни жгут?

То ли ноги устали от пут,
то ли ночь коротка для венчанья,
но виски как тиски от отчаянья
руки только любимых сожмут.

Кто-то машет нагим палашом.
Есть кому ещё стать палачом,
и вздыхает судьба за плечами.

Затихает причала качанье,
и тихонько звенит ни о чём
серебристая нитка печали.

ТЩУ ГАРКНУТЬ так, чтоб донеслось,
так гикнуть, распрямивши плечи,
чтобы светило сорвалось
в клоповник человечесий,
в тот смех, тот лемех, лепет, рок,
где горя крот и крови грог
вскрывают горизонта кров,
и горлом рвутся из оков
гормоны звуков, громы снов,
где след от лезвия стихов
анатомически таков:
вот сердца вечный глечик,
сосуд, в нём булькает любовь,
а в печени — стихоголов
загнеток речи Герцик.

Весть, что по степям
дорожной пыли дня взвесь
клубится для
того, чтобы осесть
пуховым серым платком,
будто и не ехал никто,
взглядом впиваясь в прядь
колеи, убегаящей вспять
от колен. Расстояние, пядь,
меньше толщины стен
с пограничным столбом.
Передвижение — взлом,
если едешь спиной вперёд.
Душа — воробей, стрелянный влёт —
прячется в газетный кулёк привычек,
пёрышками шурша
о помятое «Здравствуй, дом!».
Расторопная память с дырявым дном
сохранила мелочи быта и лица.
Словно лисица рыжим взметнула хвостом,
снится минувшее, снится, и вдруг затаится, —
в дыры памяти полдень
солнечным тычет перстом,
сквозь кольцо горизонта
упрямо по-бычьему струится.

... И серафимов гулкое рыданье...

О. Мандельштам

ХИМЕРА

Невидимка, Жена, Незнакомка.
Сорок окон. Света оплот.
А под рубищем камня — наколкой
связь времён, позолоченный плод

воплощенья пророчества в камень,
плод, сорвавшийся в бездну тиши.
Всё прекрасно в сферическом храме
опрокинутой зодчим души.

Чашей купола вздулась истома,
и подвешена, как на цепях,
Мученица, Мудрость, *'Ессе homo'*.
Так будущее зреет на костях

и на светлой крови очевидца
в кругу закопчённых апсид.
История, куда ей торопиться?
Она века перевисит.

Ей вехи освещает Люцифер.
Её суду не прекословь,
Душа, Россия, Революция,
Вера, Надежда, Любовь.

МЕТАФОРА, зерно метаморфозы,
но прорастает вдруг, вибрируя, дыша,
и, куклу тела разрывая грёзой,
летит, порхает бабочкой душа
метафоры — начало превращенья,
когда на прежнее уже не станет сил,
и смерти нет, и вместо погребенья —
преображенье — следующий цикл
метафор кратких, словно однодневки
в лесу весеннем свадебный полёт,
но странен лес — не дерева, а древки,
а в форме куколки она одной живёт
метафорой — ни тени перемены,
ей неподвижность кажется милей,
наверное, надёжней новой сцены:
в спектаклях этих что ни акт, то злей
становится метафора вопроса
о будущем — искусство вопрошать
всё дальше в прошлом,
впрочем, все прогнозы
ошибочны, и остаётся ждать
метафору надежды.
Где-то близко
метафора надежды и любви,
и полог лёгкий звёздами обрызган,
и в горлах ком сглотнули соловьи,
и кто-то взглянет
вдруг прозревшим оком:
в громадной мельнице от неба до земли
из тихой глубины
хрустального ковша Большой Медведицы
низринется потоком
надежда, бабочка, душа,
но глыба неба крутится без проку.
А у черты вдали

проходит, не спеша,
кораблик, мотылёк,
и видят сон матросы:
висит над мачтой, искрами меча,
предгрозовой огонь голубоватой розой,
мерцанье, мрак, мечта,
метафора, зерно метаморфозы.

ГОЛОС КРОВИ

Кубической воды
оранжевый кристалл,
на гранях воздух сух.

Стада моей беды
по рёбрам острых скал
пасёт библейский дух.

Несбыточный глагол
терзает хордой губ
окаменевший лик,

а на уступах гор
судьбы бубновый куб —
прозрачный сердолик.

И в нём, как в янтаре
за миллионы лет
увязнувший москит,

спит будущий Еврей
в Торе сокрыв увет.
Спит каторжный левит.

Запаяно зерно.
Один свободный вдох
его освободит.

Как ярости ярмо,
как радости сполох,
как юности магнит,

на остриях гряды
высокий зреет клик,
и напрягает слух

кубической воды
библейский сердолик,
оранжевый пастух.

ДВЕ ВАРИАЦИИ

*

Ещё не обморок, а морок —
раскрывается земля,
и клубится возле норок
август, вылет муравья.

Рваной августовской раны
пересохшую гортань
речью суетной тиранит
крыльев выдоха таран.

* *

Есть нечто беззаветно птичье
в полёте падающих листьев.
Так голос неизменный кличет их,
как истовый и меткий выстрел,

и радость, зёрнышко свободы,
кружит, как опытный пилот,
их медленные хороводы
сквозь встречный муравьиный лёт.

И листьев танцем золотистым
к слов шелестящим крылам
спускаются сухого смысла
крупницы, вопреки словам.

ТЫ ЛИ ЭТО?

1986 - 1995

Ты ли это?

Не ты ли это,
кто хочет осчастливить человечество?
Чтобы люди научились, наконец,
чуждому чувству
вместо страха и голода, вместо злобы
возвышенному, в самом деле великому,
что по отдельности означает
Любовь, Радость, Свобода,
Справедливость
и многое ещё в этом роде?

Не ты ли это,
кто хочет научить людей всему такому,
чтобы счастье их было совершенным,
чтобы они, оглядываясь назад
и прошлое своё вспоминая,
хоть на мгновение
подумали б о тебе благодарно?
Ты ли это?

Тогда будь проклят,
и пусть высохнут твои реки!
Чтоб тебе никогда не иметь детей,
дабы глупость в семени твоём сгнила!

Анне Ахматовой

Медный выключатель,
печки изразцы.
Медленный читатель.

Из-под лампы тусклой
пряный чёрный свет.
Вишневый паркет.

СЕГОДНЯ я субъект!

Я буду объективен,
когда на склоне лет
залезу в тесный гроб.

Когда меня обмоют
и в саван завернут,
когда глаза закроют
и кадиш пропоют.

Мише Поладяну

Милый, грустно покидать,
но ещё грустней внимать
шелестенью стрелки быстрой
и секунды воровать.

· Нам осталось так немного
до последнего порога.
Но пока струится день,
и ещё нежна дорога.

Нам успеть ещё, успеть,
как тому кусту гореть.
Ещё теплится надежда
самый главный стих пропеть.

Саше Кушнеру

О ПУШКИНЕ ДВА СЛОВА, о Моцарте одно,
летит-летит полова на лёгкое зерно.

Летит бутон на ветку и пыльца в цветок,
звука привкус едкий на губной порог.

Сон сна
пожирает виденье
дочерна раскалённым зрачком:
мне снится паденье во бденье,
на край тротуара ничком.

На серый асфальт с позолотой
трескучих кленовых листов,
на детство со сладкой дремотой
в тени милицейских постов.

Там кармин высвечивал будни,
там пели про праздник труда
и каждый четверг пополудни
кровянили морду жида.

Так я узнавал о еврействе
от дворовых соседских детей.
Так просыпаюсь я в детстве,
кровавым крещеньем еврей.

КАК РЫБА раннего христианства
раскрыв распятыя плавники,
внимает недуг постоянства
завершению строки.

Предмет есть знак, и в нём опора,
и неподвижность — эпилог.
И зеркало стиха — кипора
на плавнике скрещённых ног.

И рыба раннего христианства —
простолюдинка и раба.
И обездвижено пространство,
и переполнены гроба.

И с наивностью теляти,
как последний синий стих,
в подвенечно-длинном платье
заблудился бык-жених.

Я альфа и бета заботы
и гамма голода встречи.

Ты арфа рта, протянутая
музыкой ручьиной речи.

Круче времени влёт
в пространство продолжения рода.

То, что пульсирует в раме струн,
и есть свобода.

«ЧЕЛОВЕК НЕ МЕНЯЕТСЯ», оговорился Назон, «только суть, так имя бессмысленно и становится названием вида», — легко объявить изгнание добровольным и попрекнуть ещё живущих выдумкою Овида.

Добровольный изгнанник из рая, из разума тож,
склонен думать, не омрачая лика,
что в убийстве, как правило, повинен нож,
в войне — оружие, во лжи — книга.

А в добровольности кто? И что такое вина?
И бумажная в чём виновата страница?
Добровольная чаша изгнания выпита тоже до дна,
как стать человеком и как таковым сохраниться.

Ире Иващенко

Ты подарила мне смятенье
и радость встречи,
как будто оттепель в сретенье
и чудо речи.

И этот ритм из февраля
июльской жатвой,
когда заходится земля
стерней и жаждой.

Слепых провалов хмельный знак
и кульминаций,
им опьянялись Пастернак,
Верлен, Гораций.

И я качаюсь на волне
чередованья
и сглатываю, как во сне,
ком узнаванья...

ДВЕ СВЕЧИ в менорé, две свечи.
Два светящихся ока над ними.
Тебя мёртвым считали врачи,
только ты повторял моё имя.

Две недели ты звал меня вслух
без дыханья, без пульса, без зренья.
Твой над смертью смеющийся дух
слал своё мне благословенье.

Надо мною твой голос звучит,
ты моя и сегодня опока.
Две свечи в меноре, две свечи,
как над деревом жизни два ока.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ, годовщина.
Небо сделалось как бы с овчину,
может быть, без причины.

Оба — женщина и мужчина,
она — молодчина, он — дурачина,
душа не потёмки — пучина.

Исполнению желания всегда предшествует познание.
Так это и написано в Книге: Адам и Ева поели яблока
с Дерева Познания и познали друг друга.

Любовная скарлатина:
беспомощна медицина,
женская моя половина.

Что же нам остаётся — морщина,
плешина и домовина,
ну, ещё матерщина?

Всё это — мертвечина, прах и тлен, химические реак-
ции, гормоны и эндогенные опиаты, что тоже очень
приятно. Но всё-таки, на самом деле

что же нам остаётся? — терцина,
стиха тончайшая паутина,
сонатина,

дочери или сына
картина
и каватина.

Как вода плотину, так жизнь прорывает теснину мате-
риального бытия и создаёт сущее, которое можно
увидеть сердцем и познать душой.

Но и душе
полезно туше
на куше... .

Что там ещё,
мужичьё-дурачьё?
Женское наше чутьё —

познание, с которого начинается исполнение желаний,
а желание познаётся попыткой его исполнить; женское
чутьё — яблоко,

то есть пища для ума и судьбы.
Ты и я — начало, продолжение — мы.
Двадцать зим прошло впереди сумы,

рифмы на че или ша,
чудить, щебетать —
щедрость чижа ища,

чтоб привычкой не покалечить деревце Аин-цади, так
как с нами сидел василиск. Мы прогнали его и расста-
лись: до — си — ре — ре бемоль,

с расставания начинается встреча.
Слово было предтечей
познания речью.

Зажигай же субботние свечи,
паки нынче далече
до тебя, человеце,

ближний мой.

Немым ртом
жую слово,
как ты —
память.

Не воздух, а кровь
омывает извилину
голосовой щели.
Выдох —
мазок по холсту.

Вдох же — стежок
за стежком,
как на той картине
Петра Адамовича,

после которой
я —
больше не функция тела,
а свойство любви.

И. Л.

Что знает буква о значеньи слова,
а человек о назначеньи жизни?
Кровь при рожденьи, ковш на тризне,
что ведает ловец о цели лова?

А слово что о мозговом химизме,
покров случайности, загадка *ovo*?
И что случайность о судьбе покрова,
что ведает свет радуги о призме?

Зеркальной сутью славится вода,
как нет и да, всегда и никогда, —
не всемогуща длань и не всезряще око.

Что значит знанье, что есть простота?
Зеркальную испить росу с листа
Единого Его, всеодинокое?

ПРЕКРАСНАЯ НИКА

1.

Прекрасная Ника
окрыляет
победу над собой
без рук и головы.

2.

Ненасытно-горькая высота,
головокружение.
Блажь полёта.

Призрак, прикосновение,
сон.
Отторжение плоти.

Переселяется имя
из субстрата в субстрат
то тела, то буквы.

3.

Победа над собой:
прекрасная Ника
окрыляет
без головы и рук.

4.

Расставание — лёгкая смерть.
Душа на исходе.

Достоинство неименя,
гордость обрубка:

За тридевять-десять границ
в конце кайнозоя

погладит рука и поддержит,
а губы зажгут поцелуем.

Нога даст пинка.

5.

Без рук и головы
окрыляет
прекрасная Ника
победу над собой.

Поэмы

1974 - 1989

ВОЗВРАЩЕНИЕ МАРИНЫ

Расступается
звон молчанья,
раскрывается
веер света,
и, сверкая
под жарким небом
в зачернённой
оправе ада,

тоскуют костяные кастаньеты.

1.

Гору иду к тебе
— город.

Волю велю тебе
— голод.

Горб влеку тебе
— торба.

Ликом льну к тебе
— морок.

2.

В тумане музыки изустной,
над вязью парков и домов
деревьев волосы послушно
змеили листья слов
на заросли омелы,
и тминный дух на южной
стороне холмов
к реке спускался вниз.
Вода уже темнела
и уходила ввысь.

Медузы-Праги жизнь
над зеркалом воды окаменела.

3.

Иждивенка — у чешской любви
на поруках безруких замёрзла.

Индевея, я стала совсем бестелесной,
совсем безволосой, я пела.

За неделей неделя моя
проходила бессветной, бесслёзной,

я немела, я выла
над дочерью скарлатинозной.

Я грызла граниты
во сне набегающей Влтавы.

Я — тело, я — жизнь, я — любовь
от сердца текущей отравы

4.

Доживаю: угроза отъезда,
уезжаю — приезда гроза.
Соберутся ли в розу соседства
лепестками твои голоса?

Этот голод ещё не бесцветен,
цвету будет куда отступать:
можно только живому на свете
одиначества камни глотать.

5.

ДОРОГА

Возвращенье — из каторги к плену,
от цепей — но к цепному труду.
Предпоследнюю цвета измену
я верёвкой потом оберну.

Пополам? — по рукам. Ту ли цену
я живая плачу за беду?
Я из сердца, как греки Елену,
уезжая, надежду краду.

Над лохмотьями выжженной плоти,
над полями пылает нарыв —
гной и боль обесчещенных родин.

Им спокойный и сумрачный Один
накануне войны шлёт дары.
Кто солжёт, что сегодня — свободен?

6.

СОН К АННЕ ТЕСКОВОЙ

Уже тоска по воле здешней —
призрак плыл по чужине.
В городишке том кромешном
в сердце выстрелили мне.

Из-под шапки-невидимки
выпадаю из-под сна:
городишко на картинке,
тело — тоже чужина.

На картинке городишко.
Пристань. Лодки на песке.
Рыжий с удочкой мальчишка,
зыбь — пульсирует в виске.

Всё ещё возможно чудо.
Боже, не дай слепоты.
Я увижу и оттуда
Ваши пражские мосты.

Сохранит меня Ваш Рыцарь,
я его уберегу.
Здесь мгновение — убийца.
Пред Россией — я в долгу.

7.

Начало — ворожба и тайна,
добра наследственный залог,
враждебный тяжести сознания.
Но предок — Молох, лишь потомок — Бог,

уже ступивший за порог
в кривое зеркало преданья.
И правда будущего знания —
любовью освящённый долг.

Листаем наших дней четьи-минеи:
там, где была избушка ворожей,
на пепелище выбился вьюнок,

витая нить надежды возле шеи —
зеленый лист прощенья, перешеек
и красный возвращения цветок.

ПРОВОДЫ ОТЦА

I.

Архитектура города легка,
но не взлетают вверх, хотя стремятся,
в бездомные борзые облака
дома, каналы, улицы, палаццо.

Бездумный арлекин свой танец вертикальный
вознёс над топью на семи холмах.
И в сумерки виднее куполов сусальных
над паутиной улиц судорожный взмах.

Мы шли вдвоём, и папа вдруг сказал:
«Не улететь тому, кто вековые корни
поит водой из лужи подзаборной.
Непредсказуемое — корень всех начал.

Пророчество ж всегда в каком-то смысле рана,
а город держат зову вопреки
задворки, закоулки, тупики
свинцовой влагой пьяного тумана».

Ещё сказал он: «Память — это хлеб,
и вообще нелепы расстоянья.
Мы не прервём последнее свиданье,
хоть ты и улетишь на много лет.

Всё возвращается опять на круги вальса.
Конверт пространства в сущности зависим
хотя бы от ножа для разрезанья писем...»
Я уходил, а папа оставался.

Сквозь спящий город медленным круженьем
самозабвенный зодчий-арлекин
вёл нас двойным друг друга отраженьем
в провалах окон и слепых витрин.

2.

Неделей позже, в день перед отъездом
с утра лило, а я шагал домой
вдоль Яузы,
потом свернул к Солянке
и побежал по мостовой,
приподнятой над окнами окрестных
домишек, догонять троллейбус.
Здесь когда-то с нянькой
мы в очереди мёрзли за мукой.

И вдруг увидел:
ниже в переулке
два озверелых мужика на пару
кого-то избивали. Смертно, гулко.
И этот кто-то — чем он их обидел? —
молчал, но злобы мерные удары
вздохом наковальни отдавались,
лились, как кровь, тяжёлым пряным звуком,
и воздух наполнялся перегаром.

Я бросился к ним и вцепился
одному из них в горло,
и тут же,
как открытие крышки в затылок...
Во рту стало кисло, тошнотно...

Две души поднимались над плотной
тканью города в неба обмылок,
и слились в световое пятно

я бесплотный и папа бесплотный.
Крика матери полотно
белым куревом плыло над лужами.
Дождик кончился, наконец.
И я понял: я и отец —
это было одно.

3.

Леченье кончилось.
Теперь мой лекарь лес.
И я ему внимаю понемногу,
прослеживаю каждую дорогу
и к Богу тропочку
ищу между берёз.
И осень
смотрит на меня с укором
и лечит золотистым разговором
опавших листьев.
Расставанье скоро.
И в горле ком
её смолистых слёз.

4.

Октябрь в полусне
танцует, будто спятил.
Ритм выбивает дятел
в экстазе на сосне.

Октябрь в полусне,
но танец беспощаден.
Вода ушла из впадин,
дав место седице.

Октябрь в полусне
нападает за день.
Остроконечных пятен
редет полусвет.

Октябрь в полусне
перебирает пряди,
и падает на платье
неотвратимый снег.

5.

Лёг снег, но он к вечеру стает,
как будто невидимым станет,
как будто бы белая стая
продолжила свой перелёт.

Пока же клубящимся роем
он крост всё горько земное
и между тобою и мною
он белую скатерть кладёт.

Он делает блёклыми краски
ещё не рассказанной сказки,
ещё не испытанной ласки
полёта последних минут.

От этого снега отрешив
становится злей и целепей
вселенское великолепье
пространства и времени тут.

6.

Труп сегодняшний день, или труп?
Гурт бессмысленный, или же друг,
что один только медленный труд
раскрывает пространство вокруг?

Из каких неизведанных руд
круг цветка и волан этих рук
выплавляет болван-демиург
и вливает в гранёный сосуд?

А напиток пьянит, как обман,
когда вдруг закипает обвал
под ступившими в пропасть ногами.

Бесконечными длится ночами
тех последних секунд караван.
Но в конце или только в начале?

7.

Над нами вознёсся отрогом
кубик прозрачного храма.
Семо скользила дорога,
и церковь светлела овамо.

Сквозь шубу пушистых чешуек
от тесного близкого неба
одесную и ошуюю
легло понимание хлеба.

Легло понимание речи.
Не будет светлее, ни легче.
И не прерываются встречи,
но глетчер сползает на плечи.

ТРИНАДЦАТЬ

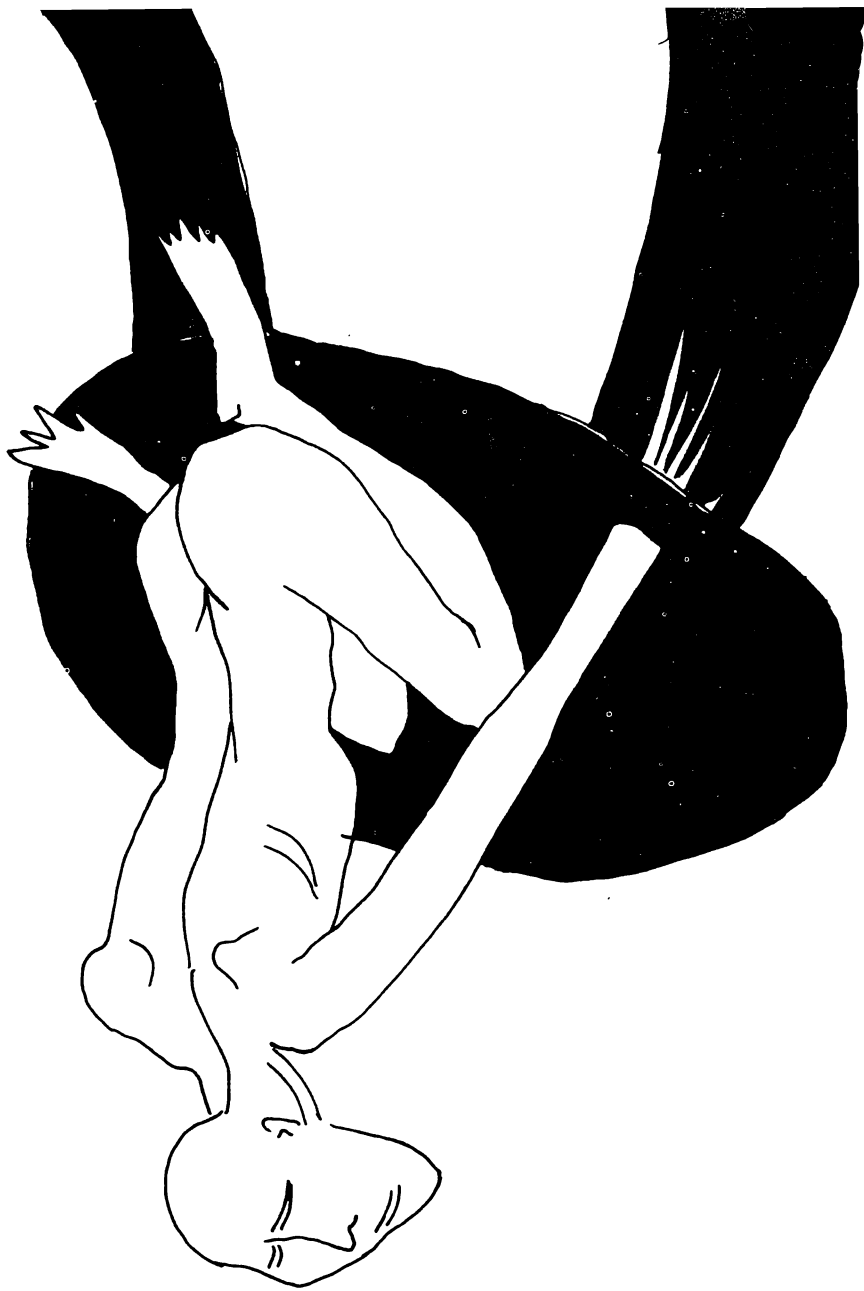
«Requiem aeternam dona eis,..
Lux perpetua luceat eis,..

Dies irae, dies illa,
Solvat saeculum in favilla,..

Tuba, mirum spargens sonum
Per sepulcra regionum,
Coget omnes ante thronum.

Liber scriptus proferetur,
In quo totum continetur,
Unde mundus judicetur.

Qui Mariam absolvisti,
Et latronem exaudisti,
Mihique quoque spem dedisti.»

1.

Дохнул и высветил косой июнь дождём
горбатое седло солнцеворота.
Полузабытый взгляд, кивок вполоборота —
и восковой огарок памяти зажжён
и теплится на алтаре гортани.
Но тучен языка молитвенный жернов,
вступая в хоровод названий
и летаргических имён,
когда всплывают в танец похорон
прямоугольный подневольный сруб
и власть небывшего ещё незримой дланью.
Летучей мышью воскресает знание
когда-то земляничных губ.

Пролей сквозь пялец терпкое зеро
глоток воды на восковое слово.

Запекшийся висок сосёт пчела,
и ей не мёд, а яд втекает в жвала.

Непредсказуемо — вчера,
а будущее лишь строки основа.

В чернильнице могил спит человек-перо,
закованный в глухой тюрьме пенала.

Всё сонмище гробов — пчелы сосушей жало.
Усердная игла пронизывает пяльцы.

Опока времени портретам изменяться,
что женщина одна о смертном часе знала.

Но длится, длится вышивка крестом.

3.

Она сказала, что печаль
всего на свете долговечней.
И сразу высветился Млечный
в одну скорбящую скрижаль.

А те, кто в будущем найдут
остатки жизни на Планете,
какие заповеди встретят
и что о нас из них поймут?

Что человек-антропофаг
пожрал себя, закрывши вежды,
во имя всех людей, но прежде
«держа революционный шаг»..?

Не злоупотреби надеждой.

4.

Неумолимых сот игольчатый фасет —
как будто мельница горит
стоглавым и голодным рыбьим ртом,
беззвучная, как половодье Стикса, —
жир жерновов расплавлен в зрелый воск.

В литейный гроб, в оправочный корсет
лети, спасительный левит,
в мой грешный свет, в Гоморру и Содом,
в глаз вездесущий Василиска
лети, вощаный порск,

как рифма прост и наг,
исчадь, арабеск,
бочаг, описка.

5.

Фасеточный кулёк. Стежков чередованье.
Чёлнок иглы. Торопится Харон.
Хроническая спешка. Отпеванье.
Крест вышит — ноль перевезён
сквозь властный окоём сознания.
Жир жерновов, льняной обрат пелён,
литьё и вышивка — и приговор пронзён
бесмысленностью врачеванья.

Неумолимых сой оптические оси —
безликий монстр, сосущая пчела.
Ленивый Босх ворсистые колёсья
связал в пронзительную кисть вчера
и высветил созвездий скорбных гроздь.

6.

Да, мельница и омут рта, и голос,
и крыльев перепончатых леток.
Но девяти кругов неувядаем лотос.

Стигийские чернила — шёлк,
натянутый на решето пространства,
хлок ворса, кисть вчера, воды глоток.

Что высмотрел бы через призму пьянства
в пчелиной суете неторопливый Босх,
когда бы не печали постоянство?

У Чёрной Речки дозревает воск.
Морозного дыханья всходит колос,
какая разница, сквозь грудь или висок,

а на устах оттаивает логос.

7.

Черна вода... Не лепет, а полёт,
округлый взмах на воздухе неслышном.

Восстала ласточка слепой летучей мышью
и в тёмный шёлк воткнула эхолот.

Отравлена гранёная строка.
Дурманом слов повелевает случай.

В Ковчег Завета на мышах летучих
вплывает целлюлярный сот стиха.

Скрижали вежд протравливает взгляд,
и в сердце стонет та большая птица.

Так Эшер вьёт по шали звукоряд,
что от пчелы безжалостной родится
слепой проворный насекомояд.

8.

Не камень — воск архитектура улья,
услужливой скрижали идеал.

Привязанный молчит на стуле.

Вот вывел на границы парадигмы
пьяный кат,
счастливый раб без гнева и печали.

Когда бы не пчела, а ктырь,
хоть поводырь к харонову причалу,
а тут живи и оглашай подвал,
бесплотной ласточки ночную тень зови...

Наощупь ищет нетопырь, ещё бескрылый,
как в слове «шаль» печаль и обнажённость,
нефритовый прозрачный жезл жуи.

9.

— А я не сторож брату моему.

— Что он сказал? — продолжил голос отчий.

— Всё бред. Какие-то «пчела и кормчий,
воскресшей ласточки бескрылый нетопырь»,
какие-то «скрижали, звукоряд по шали,
огарок памяти, горящий рот и яд,
обрат пелён и похорон обряд».
Он был безумием объят
и принял смерть свою.

— А что ещё уста его сказали?

— «Не злоупотреби надеждой, брат,
дурак без гнева и печали,
здесь смерть довлеет бытию».

10.

Пронизывает взгляд
сквозь пыльцы горизонта светлый нолик,
обмылок медленной луны,
обкатанный жемчужный циферблат.

На око скорбное натянут тёмный плат
беззвёздной шали.
В сердце птица стонет,
и восковые веки не дрожат.

Но длится вышивка и пугается нить.
И женщины —
одна, чтобы оплакать,
другая, чтобы сохранить
глоток воды и пониманья яд.

11.

В родстве высоком взгляд и царственное слово.
Есть восковое сходство губ и век.
Нить времени петлит у основания вех,
на спицах строк в букварном зреньи зова.

Из лётки рта, торжественный разбег,
тяжёлая струя расплавленного гнева,
которой пламенеет человек!

Но сердце уголит одна лишь скорбь напева,
одна печаль, когда слезой вуали
туманится слепая пустота.

О, чёрный шёлк неосторожной шали,
окаменей летучей мышью рта!

Большая птица плакала в начале.

12.

Я льюсь дождём. В кружении пути
лишь подорожник губ закроет рану:
слепая пустота в моей груди
пульсирует дыханьем океана.

Астральный свет. Из-под Его пера
слились в начало траурною лентой
четыре — си бемоль - ля - до - си — элемента
и пятый — крестик-нолик — детская игра.

Нить времени, я льюсь косым дождём.
Душа освободила паутину тшанья.

Высокая тюрьма существованья
лишь подорожник губ, горящий в горле ком
и горечь тишины, но нет прощанья.

13.

Теперь неутолима жажда света.
Дыханье, мельница, игла,
последний взмах крыла — и флажолета
янтарная расплавлена зола.

Она светла, как тонкой льдинки пеньё,
когда литой вибрирующий звук
прозрачной ереси натягивает лук
и верой укрепляет свет сомненья.

Ваятель, парадигма, демиург
овеществляет в жарком горне зренья
стремления живительную стать.

Отливка кончена, откован светлый плуг
и в злую темь вошёл по рукоять.

СПЕШИ

1985

122

1.

Текучая вода всевластна тишиной.
На берегу реки не слышен довод,
и разум — робот, а не овод —
сливается с волной.

Но жалит
на гвоздях имён
натянутая до высокой ноты
нить времён:
«Лишь тот достоин жизни и свободы...»

Тут Меф подумал:
«Надо быть достойным!?
Ну, значит нет ни права жить,
ни прочих прав в устройстве мироздания.
Пора бы эту нить...»

И нет природных прав.
Вы помните, что строили лемуры?
Плотину счастья и труда..!

Текучая вода — основа сострадания,
разум — робот...

2.

Взмах крыла летучей мыши,
пьяная полынь.

Раздвои же, раздвои же
медленную синь.

На сухую твердь и воду
небо разними,
сосчитай все эти годы,
месяцы и дни.

На конец и на начало
раздели поток
и в молитве запоздалой
поминанья срок.

Я и вижу и не вижу
неотвязный лик.
Раздвои же, раздвои же,
раздвои язык.

3.

Эта роза ничья. Поминальная нить паутины —
луч, закованный в капле свинцовой росы.
В чреве слова покоится глыба формовочной глины,
а взрывное устройство дыханья — часы.

Раскалённая роза, цикада, пылающий алеф,
обожжённого голоса спелый исток,
на бесцветных скрижалях бессонных подвалов
восемнадцатый тлеет твой лепесток.

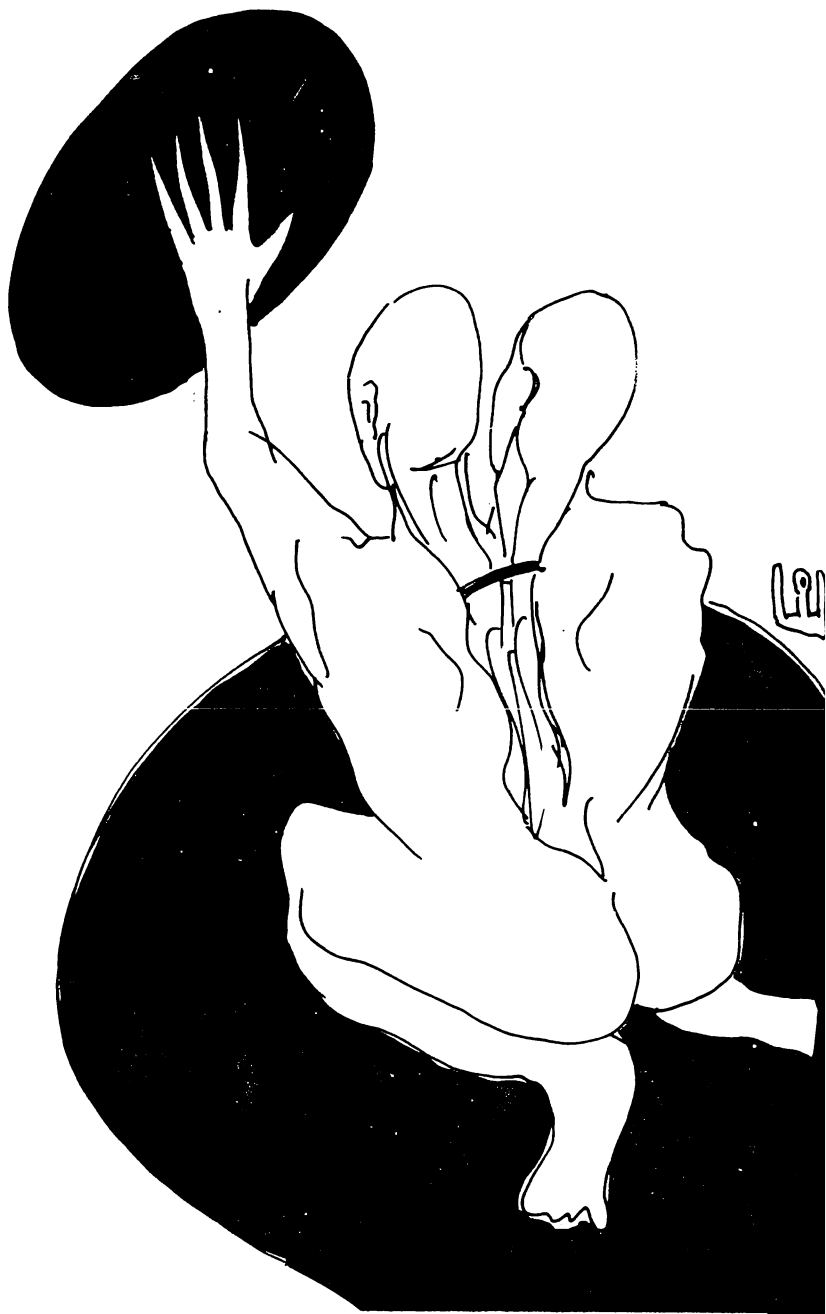
Пригубить, приголубить, вдохнуть и забыться,—
слепая зеница вливает в расплавленный слух
на зрячих страницах чудовишной огненной птицы
крылатый пергаментный клёкот Рух...

...шевелинётся глиняное тело,
когда в него незримый серафим
вдохнёт голосовое «идацфела»
древообразным именем своим.

АТЕЛЪЕ

1989

1.

Заклинание взглядом —
стрелой в зрачок —
звук качается на рогах улиток ушных.
Как в мундштук трубы,
раковинной раструб
на стыке щеки и затылка торчит.

Голова, пригвождённая рогами ушей,
говорящая роза
из сердца растёт через горло.
Качается смысл на волнах падежей,
эхо чьего восклицания
или, может быть, стога?

На слово, мой сон!
Пиратствуй, мечта, абордажем!
Голодного уха любопытный медведь
учуял его аромат,
и раскалённый язык хочет лизнуть
плечо обнажённого А.

2.

Чайинка во рту,
вкус привычного чуда.
И всё же поверь.

3.

А теперь поговорим, заблужденье.
Я вспаться в тебя хочу,
хотя ты и среднего рода.
Ты не лучшее, ты единственное моё,
не оболганное в хищном забытии
красношёрстым лисом-необхосвободы.

А в пасти у него польза,
под хвостом же — всеобщее счастье.
Дать сожрать себя добровольно
и снова выйти наружу — вот его идеал.
Кто прошёл сквозь него, тот верит,
повинуясь новой природе.

Без тебя я не знал бы, кто я.
Говори со мной, заблужденье!
Я вылечусь от правоты.

4.

То ли буква Ю, то ли цифра 10,
востроносый поэт Промокашкин пришёл в мастерскую,
принёс свою Ю.

Буква пузырится, цифра кривится.
Кулаком своего лица
пропихивает Промокашкин
десять заповедей Искусства
в дестеприимную пасть.

А люди навстречу ему
открывают внимательный свой зевок
и глотают короткие строчки,
не замечая яда.
Больше им не заснуть.

5.

Что же притягивает слова друг к другу?
Откуда у них безжалостная тяжесть?
Вот сидит Вова,
тюкает пальцем по машинке.
Откуда у него притяженьё,
хотя уже третий час ночи?

Какое же это место такое — время?
И не сглазим ли мы мгновенье встречи,
если пядь — расстояние,
а в запястьи пульсирует секундная стрелка?
А ещё у Вовы по два лезвия
в каждой ноге.

Вернфрид не храпит.
Скупая линия сна
скручивает минорный выдох и вдох
в тонкую нить бытия.
У Вернфрида тяжести нет, а только одно дыхание.
Он ли нам снится — или мы ему?

А в ухе у Вернфрида сверчок
свербит на кофейной мельнице баркаролу,
как будто Вернфрид гондола,
а сверчок — гондольер.
Голова, пригвождённая рогами ушей, —
говорящая роза.

Рога эти полые. Их острия
сходятся в середине как два мундштука.

к пестику розы, который источник звука
пока ещё бессловесно.

Завтра утром

Вернфрид напишет верлибр.

Всё-таки это мы ему снятся.

А иначе как мог бы Вова

тюкать пальцем в машинку,

а я бормотать эти строчки?

Мы бы иначе были недвижны,

а миг расставания страшен.

Но приходит поэт Промокашкин

и говорит: «Не бойтесь,

я вам расскажу анекдот:

однажды из красного перца

выросла белая роза

и щечочет шипами голосовую шель».

6.

Задыхаясь немотой,
копай в грехе молчанья.

В пруду лопатой-рыбой шевели,
хрипи, и кожа — чешуя.

А в рыбе имя, в чешуйчатом сачке,
в нём ключик превращенья

порвёт пленительную плеву
поверхности воды.

Залечит рану подорожник губ
в пруду зрачка.

Приходит Промокашкин
на завтрак рыбки наловить.

7.

Насадим червяка на крючоктвор
и время заземлим пространством сна.

В Европе Ральф, в Америке Бахыт...
Но Промокашкин говорит:
«А ну, останови перечисленье,
ишь вздохарились! Где ваш женский образ,
где вечно-женственное, где?»

Здесь. Ира варит грог,
Эльвирой Бремен полон, а Берлин
дробится о свободный стих Ирэны Дише.
Весь мир — Москва благочестивых врак.

Там человек — тюрьма, в которой
ключ от тюрьмы бессрочно заключён.
Как, впрочем, и везде.
Но Промокашкин
закинул удочки бесстыдный поплавок
в зрачок пруда.

Похоже, Промокашкин — Буратино.

8.

Кто там шлёпает вброд по бездонной воде?

Ему зрачок, конечно, по колено.

Но он абориген и знает, как пройти.

9.

Нас Вернфрид снит.

Становление слуха становится слухом,

Вода — зреньем.

Вова обучает язык асанам йоги.

Валторна ушной улитки раструбом наружу

нащупывает остриём мундштука

чешуйку имени в клиторе мозга.

Рот — орудие немоты.

А кто снит Вернфрида?

Поэт Промокашкин

лишь переводит на русский язык.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Книга Бориса Шапира «Две луны» выходит в московском издательстве «НОЙ». По еврейской Библии Бог заключил с Ноем и через него со всеми людьми и всякой тварью, вышедшими из ковчега, первый в истории договор и в память об этом создал радугу. Многоцветность радуги отражает надежду на воссоединение людей в единое человечество.

Согласно талмуду, семь цветов радуги символизируют заповеди ноевой этики: шесть запретов — 1) на идолопоклонство, 2) на кощунство по отношению даже к чужим религиям, 3) на кровопролитие и на убийство без суда, 4) на кровосмешительство и разврат, 5) на грабеж, 6) на жестокость по отношению к животным — и один завет — 7) обязательное учреждение правовой системы и судопроизводства. Именно это составляет основу жизни как человечества в целом, так и каждого отдельного человека.

На семи заповедях Ноя построено иудейское представление о праведности — корень мировоззрения Бориса Шапира, еврея, родившегося и выросшего в Москве, трудной дорогой пришедшего к иудаизму и не опубликовавшего до эмиграции ни одной строчки. Не случайно в начале своей первой книги «Начало» Борис Шапиро поставил молитву-акrostих: «Алеф веры моей в тебе...». Его жизнь в России исчерпала себя и закончилась с эмиграцией в 1975 г., теперь же его стихи возвращаются в ковчег «Ноя».

Особенно активно Шапиро использует многоцветность как поэтический прием в своей второй книге «Соло на флейте» (издательство Otto Sagner Verlag в Мюнхене, 1984). То шаман любви в акrostихе «Литании напевной серебро...», то мастер превращения в стихотворении-заговоре «Лето зеленою одетое...», то глухарь в стихезаклинании против клеветы «Вяхирь, лесной глуботарь...», то собеседник японского поэта XI-го века Кэнко Хоси или как свидетель Страшного суда в стихотворении, посвященном Андрею Белому «Был мне сон...», или же в филигранно отточенных сонетах поэт перерабатывает и углубляет многогранный опыт многих культур и времен.

Стихотворение возникает в поэтике Шапира как музыка. Звуковые мотивы и ритмические элементы приобретают при проработке форму и смысловую нагрузку, организуются в «поэтическое намерение», которое Шапиро называет пресемантической структурой, дальнейшей работой на пресемантическую структуру наращивается словесная и смысловая ткань. Пресемантическая структура представляет собой то пространство, которое предопределяет и в котором создается поэзия в ее собственно словесной, семантической форме. Это свое учение о поэтическом пространстве и о возмож-

ности рациональной работы над ним до возникновения лексического смысла Шапиро называет *пресемантикой*.

Шапиро уехал в Германию, не зная немецкого языка. Новый язык дал ему возможность расширить кругозор и стал импульсом к дальнейшему развитию поэта. Два жанра, два языка, две души. Кроме того, название книги «Две луны» указывает на особенно тесную связь поэта с его отцом: «Две души поднимались над плотной / тканью города в неба обмылок, / и слилось в световое пятно / я бесплотный и папа бесплотный» (с. 94). На этом же примере видно, как тончайшая трансцендентность в поэзии Шапиро соединяется с ярким реализмом.

В двух циклах, написанных в Германии, «Сквозь кольцо горизонта» (1975-1984) и «Ты ли это?» (1986-1995) продолжают старые темы: протест, природа, любовь («На смерть Галича», «Колыбельная»), но появляются и новые. В философских стихотворениях автор возрождает акмеистические традиции («Химера», «Метафора, зерно метаморфозы...», «Голос крови» и другие). Параллельно с работой на русском языке Шапиро пишет по-немецки. В 1983 году была написана драматическая поэма «Der Ausflug» («Вылет») об Осипе Мандельштаме. В форме фантастической беседы Мандельштама с немецким поэтом Паулем Целаном и писателем Германом Казаком автор показывает, что такие элементы мира, как насилие, лагерь, тюрьма исчезают со смертью человека, а поэтическое слово и поэтическое намерение остаются.

За двадцать лет Шапиро написал три книги немецких стихов, большей частью опубликованных в книге «Metamorphosenkom» («Зерно метаморфозы») в издательстве Heliopolis Katzman Verlag в Тюбингене, 1981, в альманахах и в литературной периодике. Его немецкая поэтика не отличается от русской. Наиболее значительные произведения на немецком языке: двойная поэтическая сюита «Ein Tropfen Wort» («Одна капля слова», 1985) и большая религиозно-философская поэма «Chirik am schwimmenden Turm» («Хирик у плавающей башни», 1990).

Поэмы Бориса Шапиро, как русские, так и немецкие — это внутренний разговор, дающий начало обновлению и перерождению. Их темы — эмиграция, смерть, любовь, искусство, религия, история и судьба человека и человечества в целом. Стихи Шапиро — это эмигранты, которые возвращаются на родину в книге «Две луны». Они свидетели другой жизни, носители высокой этической и религиозной напряженности. Я желаю им успеха в поиске старых друзей и новых читателей.

Хелла Шапиро
д-р философии, Тюбинген

ОГЛАВЛЕНИЕ

Из книги

«НАЧАЛО»

Алеф веры моей в тебе,..	7
Площадь Красная, площадь Красная,..	8
Вирус века. Сердце глуше...	9
Непогодушка-потеха,..	10
Людоеды	11
Когда Калигула назвался божеством,..	12
Красная осень. ..	13

Из книги

«СОЛО НА ФЛЕЙТЕ»

Лето, зеленую одетое,..	17
Та музыка из прихоти созвучий...	19
Вдруг придёт, неожиданно и негаданно,..	20
Я ухожу. ..	21
На круглой скатерти...	22
ТЕМА ДЛЯ МЕДИТАЦИИ из Кэнко Хоси	23
Завеса — зависть,..	24
Отрады горькая оправа —..	25
Тускнеет мой приют. ..	26
Литании напевной серебро —..	27
Всё недавно. Всё давно. ..	28
ЙОЗЕФ КНЕХТ	29
Как слышу, так и напишу...	30
Сна нет. ..	31
Ты умрёшь. ..	32
АУТОДАФЕ	33
Вымирает постепенно...	34

Ктырь ужалил мизгиря. ..	35
Вяхирь, лесный глуботарь,..	36
АНДРЕЙ БЕЛЫЙ	37
Вызрело зарево в озере. ..	38
Лицо наплывом. ..	39
Если прямо скажешь прямо,..	40
Марфа умерла, а потом пришла к нам...	41

Из цикла

«СКВОЗЬ КОЛЬЦО ГОРИЗОНТА»

КОЛЫБЕЛЬНАЯ	45
Октябрь всегда благосклонен ко мне. ..	46
НА СМЕРТЬ ГАЛИЧА	47
Тщу гаркнуть так, чтоб донеслось,..	49
Весть, что по степям...	50
ХИМЕРА	51
Метафора, зерно метаморфозы,..	52
ГОЛОС КРОВИ	54
ДВЕ ВАРИАЦИИ (Еще... / Есть нечто...)	56/57

Ты ли это?

ТЫ ЛИ ЭТО?	61
Медный выключатель,..	62
Сегодня я субъект! ..	63
Милый, грустно покидать,..	64
О Пушкине два слова, о Моцарте одно,..	65
Сон сна...	66
Как рыба раннего христианства...	67
Я альфа и бета заботы...	68
«Человек не меняется», оговорился...	69
Ты подарила мне смятенье...	70

Две свечи в менорé, две свечи. ..	71
Двадцать лет, годовщина. ..	72
Немым ртом...	74
Что знает буква о значении слова,..	75
ПРЕКРАСНАЯ НИКА	76

ПОЭМЫ

ВОЗВРАЩЕНИЕ МАРИНЫ	81
Гору иду к тебе...	83
В тумане музыки изустной,..	84
Иждивенка — у чешской любви...	85
Доживаю: угроза отъезда,..	86
ДОРОГА	87
СОН К АННЕ ТЕСКОВОЙ	88
Начало — ворожба и тайна,..	89
ПРОВОДЫ ОТЦА	91
Архитектура города легка,..	93
Неделей позже, в день перед отъездом...	95
Лечение кончилось. ..	97
Октябрь в полусне...	98
Лёг снег, но он к вечеру стает,..	99
Труп сегодняшней день, или трут? ..	100
Над нами вознёся отрогом...	101
ТРИНАДЦАТЬ	103
Дохнул и высветил косой июнь дождём...	105
Пролей сквозь палец терпкое зеро...	106

Она сказала, что печаль...	107
Неумолимых сот игольчатый фасет — ..	108
Фасеточный кулёк. Стежков...	109
Да, мельница и омут рта, и голос,..	110
Черна вода... Не лепет, а полёт,..	111
Не камень — воск архитектура улья,..	112
— А я не сторож брату моему. ..	113
Пронизывает взгляд...	114
В родстве высоком взгляд и...	115
Я льюсь дождём. В кружении пути...	116
Теперь неутолима жажда света. ..	117
СПЕШИ	119
Текучая вода всевластна тишиной. ..	121
Взмах крыла летучей мыши,..	122
Эта роза ничья. Поминальная нить...	123
АТЕЛЬЕ	125
Заклинание взглядом — ..	127
Чайнка во рту,..	128
А теперь поговорим, заблужденье. ..	129
То ли буква Ю, то ли цифра 10,..	130
Что же притягивает слова друг к другу? ..	131
Задыхаясь немотой,..	133
Насадим червяка на крючоктвор,..	134
Кто там шлёпает вброд по бездонной...	135
Нас Вернфрид снит. ..	136
ПОСЛЕСЛОВИЕ Хеллы Шапиро	139

999